

роман

Диверсия!

Полная версия

Дмитрий
Панкратов

Дмитрий Владимирович Панкратов

Диверсия! Полная версия

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74093252
ISBN 978-5-6051592-9-2

Аннотация

В 1996 году двое молодых сотрудников спецподразделения "Вымпел" получают задание – отправиться в Красноярск и совершить ужасающий теракт на секретном ядерном объекте. Конечно, это только учения, но, как говорил Суворов, тяжело в учении – легко в бою.

Блестяще написанный, гомерически смешной и познавательный роман Дмитрия Панкратова основан на реальных событиях.

Содержание

Пролог	4
Глава первая: Начало	10
Глава вторая: Ожидание	22
Глава третья: Первые дни	27
Глава четвертая: Обстоятельства	33
Глава пятая: Подготовка	46
Глава шестая: Красноярск, день первый	54
Глава седьмая: День второй	68
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Дмитрий Панкратов

Диверсия!

Полная версия

Пролог

Потертый «мазерати», приятно урча мощным мотором, не спеша катил по узким улочкам Москвы. Машина была приметная, хоть и не стоила баснословных денег. Взял я ее для работы – то есть, ради понта, – но на самом деле выбрал сердцем. Пришел, увидел, полюбил. Мы с ней похожи: слегка устали от жизни, потеряли блеск, однако все еще сильны и неплохо выглядим.

Иногда, глядя на эту стильную «итальянку», я думаю: надо же, какая ирония судьбы – нас обоих создали, чтобы покорять Европу, но жизнь распорядилась иначе. После девяти лет в спецназе и десятка командировок по горячим точкам моя вредная профессия забросила меня не в Париж или Лондон, как мечталось когда-то, а в родную столицу. Фактически по месту прописки.

Но практически – без разницы. Если я провалюсь в Москве, конец будет точно как в Лондоне: пытки и мучительная смерть. И наши не выручат. Для них я не существую.

Сами понимаете, при такой жизни нельзя без маленьких радостей, поэтому у меня красивая машина. Забавно: когда-то я был хорошим мальчиком и обещал бабушке не садиться за руль. Но милая старушка давно покинула наш бренный мир, и я решил, что ее страхи насчет опасности разбиться на дороге несколько преувеличены...

– Так и будешь читать всякую херню? Бегом давай, майор зовет!

Ну вот, на самом интересном месте!..

А вдруг это не херня? А вдруг автор знает, о чем пишет? Бывает же такое? Могу я верить в чудеса?.. Но если вызывает майор, человек-легенда по прозвищу Дед, – бросай книжку и беги. Не теряя достоинства и предметов одежды, ведь ты офицер, но мечтая о подвигах и сгорая от любопытства, как мальчишка. Потому что наш майор может поставить задачу, с которой не сравнится никакой приключенческий роман.

Я бросил книжку и, не теряя достоинства, побежал.

Холл, направо лифт. Четвертый этаж. Кивок дежурному, направо по коридору три кубрика (так называют кабинеты в группе «Вымпел»)... Да-да, мы – многострадальный отряд «Вымпел»: спецназ КГБ СССР, потом спецназ Министерства безопасности, потом спецназ МВД, потом спецназ ФСБ... Потом расскажу. Меня нагнал коллега Игорь, и в голову полезли мысли, от которых у любого диверсанта холодок бежит по спине.

На чем я прокололся? На чем мы прокололись?

Только сейчас я вспомнил, что нас, молодых лейтенантов, Дед зовет по двум поводам: если надо совершить нечто героическое – или когда ты, образно говоря, уже герой по своей инициативе.

Что мы с Игорем натворили? А мы точно натворили? Кто это видел – и доложил? Неужели это выглядело настолько плохо?! Ой, как стыдно. Ничего не делал – а уже стыдно. Минуточку! Чего мы с Игорем могли не сделать – и это плохо?..

Приоткрытая дверь, за ней большой стол. При одном взгляде на него понятно, что здесь живет начальник, даже без таблички на двери (ее, кстати, никогда и не было).

И четкий острый взгляд в лицо от сухощавого майора, не сулящий ничего хорошего.

Видимо, то, чего мы с Игорем не сделали (а я уже точно вспомнил, что мы ничего не делали!), действительно никуда не годилось.

Какая неприятность. Чертовски жаль, что огорчили Деда. Майоров у нас два. Тот, с кем мы общаемся чаще, и к кому сейчас прибежали – заместитель начальника нашего отдела. Человек опытный, знающий, понимающий, и с огромной интуицией. Особенно в отношении людей и ситуаций. Это один из тех немногих, кому я подчиняюсь безоговорочно, на уровне инстинкта. Он ставит задачу, а я радуюсь и выполняю. Что для меня весьма непросто, и по характеру, и по жизненному опыту.

Но по сравнению с Дедом, мы все – с характером и опы-

том, – мелочь пузатая, личинки спецназовцев, в лучшем случае головастики. Сказать, что Деда уважали – это принизить то, что мы чувствовали. Фактически, мы благоговели. И если сами мы глядели на окружающих свысока, обоснованно считая себя элитой, то в отношении Деда мы были никто и звали нас никак. Строгость в сочетании с житейской мудростью, ореол опыта и способность видеть всех насквозь, давали ему практически сакральную власть над нами – помимо естественной служебной субординации.

И когда тебя лично вызывал Дед, это означало, что ты либо залетел, и очень сильно, либо...

– В общем, так, дети мои. Есть для вас задача, которую партия и правительство хотело поручить мне, но я уже устал. А потому делать будете вы, отвечать вы, а если вдруг случайно получится что-то хорошее, то наградят меня. Запомните это и слушайте боевой приказ...

Мы с Игорем стояли, вытянувшись, как пограничные столбы, не смея даже покачнуться от радости.

Сообщив нам основные пункты задачи, Дед не удержался от шпильки. Ехидно прищурился и сказал:

– Конечно, надо иметь в виду, что иногда легенда меняется...

Про легенду – это наш профессиональный анекдот. Вызывает разведчика полковник и говорит: «Вот, дорогой товарищ, задача. Едешь в Люксембург, встречаешься с послом, он передает тебе в ресторане Mosconi секретную информа-

цию, после чего ты в номере Hotel Le Royal под видом банкира знакомишься с женой консула страны N, соблазняешь ее... (раздается звонок по «вертушке», полковник снимает трубку, слушает три секунды, крикает, вешает трубку). – В общем, так, товарищ лейтенант, легенда меняется. Ты – бомж, не ел три дня...»

– Но вы, товарищи, можете считать, что вам повезло.

Мы с Игорем не удержались и переглянулись.

– Поедете нормально по всем статьям. Шиковать не дадим, но с голоду не умрете, не волнуйтесь. Ясно?

– Так точно, товарищ майор!

– Валяйте, готовьтесь. Мне докладывать каждый день о результатах в легендировании и подготовке.

– Есть, товарищ майор! Разрешите вопрос?

– Ну.

– А когда выезжать?

– Послезавтра.

Ого, подумал я. Ладно, раз надо – справимся. Есть и хорошие новости: докладывать придется всего два раза до отъезда. Не помрем мы со стыда, даже с двух попыток.

Об истинном масштабе бедствия, ожидающего нас, мы в тот момент понятия не имели, а когда все уяснили, было уже поздно впадать в отчаяние. Но, честное слово, мы бы согласились на любое «изменение легенды» и отправились выполнять задачу хоть голодными бомжами, лишь бы по другому адресу.

Никто. Никогда. Не был. Там. Куда. Нас послали.
А послали нас знатно, можете поверить.

Глава первая: Начало

Прежде чем тебя далеко пошлют, надо прийти к тому, кто пошлет.

Этот путь оказался извилистым и полным таких приключений, в основном нелепых (как и породившее их время), что я просто не могу о них умолчать.

В моем детстве мало кто слышал про «Вымпел». Секреты были секретами. Особенно государственные. Даже я, будучи из семьи потомственных военных, живя в воинской части, которая некоторое время подчинялась КГБ СССР, имея знакомых среди офицеров – про специальный отряд «Вымпел» не знал.

С детства я мечтал о военной форме. Но уже к двенадцати годам я пробыл в армейском общежитии, на фактически казарменном положении, пять лет – и понял, что не очень хочу. Вот такого вот. Встал, построился, поел, давай бегать, потом на траве лежать, изображая строевые упражнения. На счет покраски травы – не видел, но речь о другом. Часть у нас была серьезная, в ней солдаты за два года набирали по десять-пятнадцать килограммов живого веса, предварительно скинув весь неживой. Учения со стрельбами, марш-броски, выходы на полигон – все это впечатляло, но... Подвига нет. Вообще никак. А подвига хотелось. Мы всех уже победили, из Афгана уже выходили, а я только-только вырос. Не

дождались меня немножко. А то бы я всем показал. Может, и Союз сохранили бы.

Книжки, что я читал, фильмы, что я смотрел, истории от родных и близких, которые я слышал, воспитывали меня в готовности к подвигу, без которого жизнь не удалась. И не меня одного, но говорить буду только от своего лица.

Короче говоря, свои шестнадцать лет я встретил в смятении, откосив по нелепой случайности от суворовского училища и решив, уж раз такое дело, стать милиционером. Глебом Жегловым или, на худой конец, Дядей Степой. Они мне нравились, да и бандитов я тоже не любил. Еще со времен просмотра кино про неуловимых мстителей. Там ведь, по сути, большей частью именно про бандитов и про то, как с ними боролись мальчишки. Такие, как я. Ну, я-то круче был. У меня за плечами набралось два года в «Самбо-70», три года каратэ в полуподпольном клубе под эгидой ученика самого Тадеуша Касьянова, и пять лет балльных танцев. Это вам не шуточки, особенно танцы, если кто понимает.

Метнувшись поступать в московскую Высшую школу милиции, я получил урок: во-первых, к неглупой голове еще бы и блата добавить, а во-вторых, не надо злить преподавателей своим всезнайством. Этот урок мне стоил полугода казарменной жизни в светлом городе Караганда, как раз в тот период, когда город из советского становился казахским. Опустим подробности; через шесть месяцев я, умудренный опытом межнациональных отношений и навыками выживания

в агрессивной среде, вернулся в Москву и стал доучиваться здесь. Скорострельно. Потому что времена настали весьма странные: люди, отучившись в нашей славной «вышке» и получив на руки диплом юриста-правоведа, вдруг забывали, что хотели в Дяди Степы, и устраивались в частные конторы. Нехватка личного состава в «органах» достигала по некоторым подразделениям шестидесяти процентов. Так что выпустились мы всего через четыре года зубрежки, муштры и практики.

Одно могу сказать: отучили нас по высшему классу. Я тогда назубок знал многие вещи, которые и сейчас вспоминаю ночью, когда встаю к холодильнику за котлетами. И практика была хорошая. Я ее проходил в РУБОПе (и это стоит отдельной книги). Наставниками у меня были Акуленок и Кривенков. Когда второго размазали в его «шестерке» встречным «КАМАЗом», чтобы не лез начинать большие дела, расследуя чеченские авизо, я решил, что хочу работать там, где дела не начинаются, а заканчиваются. И начал поглядывать в сторону тех, кто носил пушки побольше, чем мой штатный ПМ.

У всех есть «покупатели». Это на военном жаргоне – вербовщики, которые ходят по градам и весям, а в нашем случае по вузам, присматривая себе в подразделение годных ребят. Вот и вашего покорного слугу «купили» – Петрович и Дим Димыч. Вызвал меня завкафедрой по физподготовке (легендарный в свое время Дворяг) и представил им как самого

спортивного парня на потоке. Оно так и было. К тому времени, помимо каратэ, самбо и бальных танцев, я прошел суточный бег, марафон, кучу «десяток» и просто многоборья, в том числе военного, а потом завис в спортзале, увлекшись тяжелой атлетикой. Надоело мне весить семьдесят кило при росте метр восемьдесят два. Увлёкся я серьезно, настолько, что стал уходить с непрофильных лекций в наш «ангар». Завкафедрой мне доверял, начальник курса по дисциплине и успеваемости претензий не имел, так что патруль, заглядывая в спортзал в поисках прогульщиков, кивал мне, смотрел по сторонам, докапывался до первокурсников и шел дальше.

Честно скажу, больших успехов я не добился. Ни химии, ни нормальных добавок тогда не было, да и, главное, денег тоже. Нарастил я массу до восьмидесяти двух кило за три года. Жим у меня уперся в сто десять, и как я ни бился, меняя методики – ничего не получилось. Разве что стал выносливей. Как сейчас понимаю, не давало мне расти то, что ел мало и не всегда. С детства был малоежкой, а тут еще и постперестроечное время способствовало диете. Настолько, что лечебное голодание было больше не в диковинку, а просто в оправдание. Но именно к «покупке» я оказался в форме. Как по силе, так и по выносливости. Потому на предложение Петровича и Дим Димыча показать себя во всей красе на зачете по физподготовке – согласился. Честно скажу, я знать не знал, что такое «Вымпел», и с чем его едят (ну вот, опять про еду...).

Справедливости ради, на тот момент про «Вымпел» даже в Википедии ничего не было сказано. Потому что Википедия появится только через четыре года.

А то бы я прочел – и лопнул от гордости прямо на месте, и никто бы не написал эту историю.

Историческая справка

Отряд «Вымпел», предназначенный для проведения специальных операций за пределами СССР, был создан по инициативе начальника Управления «С» ПГУ КГБ СССР генерал-майора Ю. И. Дроздова 19 августа 1981 года. Задачи отряда – дезорганизация противника, диверсии, нелегальная разведка, создание агентурных сетей. Освобождение, захват и доставка лиц, обладающих ценной информацией (в том числе на территории других государств). Уничтожение лиц, представляющих угрозу государству. Осуществление государственных переворотов за рубежом. Радиационная разведка местности. И многое другое.

Главная особенность «Вымпела» – то, что его сотрудники готовились к проведению всех операций в режиме полной автономности и зачастую в одиночку или в составе малых групп.

По емкой характеристике Дроздова, настоящий «вымпеловец» это на 60 % оперативник и на 40 % военный специалист. Если 40 % военного составляли снайперскую, мин-

но-взрывную, водолазную, парашютную, техническую и тактическую подготовку, то можете представить, какой объем входил в остальные 60 %. За время существования «Вымпела» его сотрудники прошли практически все «горячие точки» мира и участвовали в боевых операциях на всех континентах.

В августе 1991 года «Вымпел» перешел в подчинение Министерства безопасности и вступил в длительную организационную чехарду, из-за которой почти 90 % личного состава, либо уволилось, либо ушло в другие подразделения. Задачи внешней деятельности были с отряда сняты. Новые задачи касались безопасности внутри страны. В первую очередь – ядерной безопасности.

В октябре 1993 года «Вымпел» был единственным подразделением, которое отказалось участвовать в гражданском противостоянии и выполнять приказ Б. Н. Ельцина о штурме Белого дома. В результате, 25 января 1994 года «Вымпел» был выведен из Службы безопасности Президента и переподчинен МВД РФ под наименованием «Вега». Структурно отряд «Вега» вошел в ГУОП МВД РФ. Из семисот человек согласились перейти в МВД не больше полусотни. Именно с этого времени, тяжелого «переходного периода» в судьбе легендарного подразделения и начинается мое повествование.

Конец исторической справки

Единственный раз, когда судьба хоть как-то сблизила меня со спецназом КГБ – это поездка еще в выпускном классе на автобусе со случайным попутчиком, особистом нашей воинской части. Заведя разговор на тему спорта, он обмолвился: получив повестку в военкомат, я могу попросить рекомендацию в «Альфу». Что такое «Альфа», я понятия не имел. И как-то оно не срослось.

Вызов на экзамен в отряд специального назначения затянулся на несколько месяцев. За это время, будучи на практике, я заметно ослаб просто потому что, вставая в пять утра, а приходя домой в первом часу ночи, успевал нормально поесть один раз, и то когда повезет. Оперативная работа, если ее любить и отдаваться целиком, поглощает жизнь без остатка. Было очень сложно сохранять какую-то значимую физическую форму в таких реалиях. Из десятка отобранных с нашей «вышки», только двое прошли через предварительный отсев – медкомиссию с повышенными требованиями и психологические тесты с долгими собеседованиями. Я был одним из этих двоих. Потеряв за полгода на практике набранные с великим трудом килограммы мяса, я приобрел взамен кое-что важное: стал еще злее к жизни, насмотревшись всякого в знаменитом РУБОПе на Шаболовке. Воры в законе и прочие авторитеты, когда понимаешь их натуру, не особо

радуют даже в наручниках, а как-то наоборот. И эта злость придавала мне сил и уверенности.

Наконец, в один прекрасный день я приехал в подмосковную Балашиху и пришел к заветному забору с КПП. Нас было двое, как я уже сказал, поэтому для секретности назовем второго Артемом и дадим ему право телефонного звонка. Дисконный телефон, висевший на проходной, забавно тренькал. Три заветные цифры мы узнали заранее, выучили наизусть и для верности зафиксировали в записных книжках, потому что, как говорил наш преподаватель по оперативно-розыскной деятельности, «плохой карандаш надежнее самой хорошей памяти». И он был прав, ведь сейчас я тот телефон не помню, а книжка у меня лежит до сих пор дома. Правда, забыл, где.

Позвонив по трехзначному номеру и доложив о прибытии, мы дождались встречающего. Им оказался небезызвестный впоследствии и поныне товарищ, которого условно назовем Кириллом, самый отчаянный приколист и выдумщик в подразделении. Будущий товарищ привел нас на четвертый этаж, где за столом сидел молодой и скромный лейтенант, которого так же условно назовем Сергеем (на тот момент единственный из будущей династии русских диверсантов, потому что младший его брат только начинал учиться на офицера). Сергей передал нас старшему лейтенанту Александру, уже тогда показывавшему генеральские задатки.

Александру я с первого взгляда не приглянулся. Сложно

приглянуться человеку в выцветшем камуфляже, который вытирает руки от оружейной смазки, если ты сам одет в костюм-тройку, плащ и шляпу. Вам, может, и смешно, а я шел на экзамен, как на праздник.

Да, праздник. И этот комплект у меня был еще с советских времен, когда воинская часть, где служила мама, в очередной раз меняла ведомственную принадлежность, и от КГБ передавалась в Министерство обороны, распродавая со складов кучу ставшего ненужным имущества. Вот там за две зарплаты, отложенные на черный день, мама справила мне два комплекта костюмов с плащом производства ГДР. Смотрелся я в них, как шпион, пришедший с дождя, поэтому один заносил до дыр на милицейской практике, а второй сберег для торжественного случая – ну и нынче приоделся.

Шляпу купил уже сам, на свои кровные, честно заработанные.

И вот в таком виде я предстал перед молодыми лейтенантами и более старшими товарищами, которые, в отличие от меня, прошли сугубо военную подготовку и предпочитали в одежде, мягко говоря, суровый стиль.

Да, я всегда умудрялся произвести на людей особое впечатление с первого взгляда, и тут мне это тоже удалось.

Облачившись в предусмотрительно взятые треники, я вышел на дистанцию. Сначала была стометровка, которую мне каким-то образом удалось пробежать на четверку, в чем помог, скорее всего, попутный ветер. Иначе не понять, как

я так разогнался, ведь бежать пришлось, ввиду отсутствия кроссовок, в армейских ботинках, любезно одолженных на месте. После стометровки был челночный бег (его я сдал на «отлично»), а затем подтягивания, которые я тоже, благодаря тому, что моя сила упала чуть меньше, чем вес, отработал на пять.

Погоды стояли чудесные – тепло и сухо, около 27–28 градусов по Цельсию, солнышко палило мою еще не до конца лысую голову, травка зеленела, пели птицы, хотелось жить. Но у тестов была задача проверить кандидатов насмерть.

Нас стали пытаться УКУ – универсальным комплексом упражнений, нацеленным на то, чтобы в кратчайшие сроки выбить из человека все силы. А заодно и силу воли. Чередование отжиманий, подъемов на пресс и выпрыгиваний со сменой ног в количестве не менее 15 повторений за 30 секунд давало в одном заходе две минуты разноплановой нагрузки, которая сменялась минутой отдыха, после чего надо было все повторить. На пятерку – пять подходов, на четверку – четыре. Три – пошел отсюда. Я сделал четыре. Не потому что устал, хотя устал, а потому что стал подозревать: до конца приключений еще далеко, и лучше бы побережь силы, четверки пока хватит. Артем сделал пять. Молодость. Энергия. Энтузиазм. Задор. А на самом деле – непонимание перспектив.

Увидев, что измором молодежь не взять, нас стали просто бить.

Не будет преувеличением сказать, что товарищи, которые нас били, делать это умели. Несмотря на опыт занятий рукопашным боем и каратэ, особо противопоставить им что-то я не смог. Сказалась физическая заморенность к тому моменту и общее состояние. Однако зачет я сдал и даже заслужил одобрение присутствующих, когда, получив второй раз в голову и пошатнувшись, угодил под красивый ушира-маваши, который в простонародье звался «вертушкой», пришедший мне ровно в висок. Получив его, я сделал круг вокруг самого себя, затем в тумане, абсолютно не видя ничего, совершил подобие выпада и... устоял на ногах. Собственно говоря, именно это и хотели увидеть экзаменаторы. Александр, который лично зарядил мне тот шикарный удар, остался доволен. Экзаменовали нас, как злых щенков, отбирая самых ярых.

Били нас по очереди двое, их я помню, несмотря на многочисленные удары в голову. К тому же, я записал для памяти имена этих садистов. Вам не скажу, чтобы ни Сергей, ни Александр, на меня не обиделись. Хотя, вроде бы, не за что.

После избиения нас привели в бассейн, где нам предстояло два упражнения: проплыть и пронырнуть. В моем тогдашнем полуживом состоянии я решил выполнить хотя бы программу-минимум – упасть в воду и утонуть. Переодевшись в плавательное, на что нам дали две минуты, из-за чего даже мало-мальски очухаться не получилось, я плюхнулся в бассейн. Он у «Вымпела» хороший, в одном месте глубина

больше десяти метров для аквалангистов, и я предвидел, что здесь мои мучения закончатся, причем, очень быстро. В детстве я занимался плаванием, легко одолевая километр. Но прошедшие годы, груз забот и лишений, а также полученный сотряс головы, заплывшие глаза, отваливающиеся руки и ноги несколько омрачали мою уверенность в себе.

Опыт проныривания у меня отсутствовал изначально, поэтому я просто надеялся, что моей упертости хватит протерпеть без воздуха столько, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно проведенные в бассейне годы.

Однако, едва коснувшись воды, я пережил чудесное обновление, после которого и пронырнул положенную дистанцию, и выплыл стометровку вольным стилем. Последнюю ее четверть я наярывал уже кролем, как новенький, чем вызвал недоумение проверяющих, которые уже тогда начали подозревать в моем тщедушном тельце наличие не только силы и сноровки, но и хитрости. Что не преминуло сказаться впоследствии.

Итак, экзамен был пройден. Далее меня погоняли по теории в оружии, но уже не сильно, а просто для понимания, насколько я с ним знаком, и дали пинка под зад с напутствием: «Ждите, вам позвонят».

Глава вторая: Ожидание

Это был август 1995 года. «Вымпел» в те дни назывался «Вега» и состоял в ОУЦ МВД России. Вот единственное, за что я благодарен нашему первому Президенту: он передал строптивый отряд в МВД именно тогда, когда я был молодым и спортивным курсантом Высшей школы милиции. Иначе я бы вряд ли попал в группу: меня бы просто не заметили и не «купили». Жизнь вообще складывалась удивительно, открыв возможность свернуть на дорогу к подвигам, о которой мечтал в детстве. Стоило мне пройти отбор в «Вегу», ее сразу вернули в ФСБ. Так я в итоге стал чекистом. Судьба, покрутив мной и окружающим миром, поставила все на место.

Причем, судьба и тут сыграла шутку, едва не столкнув меня с будущими коллегами 4 октября 1993 года во время противостояния Президента и Государственной Думы. Третий курс милицейской «вышки» – отчаянный и смелый. Нам было запрещено покидать расположение учебного заведения на улице Академика Волгина, но кто может удержать человека, который уже считает себя взрослым и самостоятельным? Будучи в качалке, наслушавшись сплетен (телевизор смотреть было некогда), я решил все увидеть своими глазами. И сорвался в «гражданке» через забор на место событий. Умудрился пройти до начала серьезных обстрелов к самому цен-

тру, выйти к мэрии, попасть-таки под обстрел, выскочить из него целым, вернуться обратно через уже выставленные кордоны, успеть на последнюю пару и сделать вид, что ничего не было... С ребятами мы тогда, что называется, краями разошлись...

За время ожидания вызова я успел профукать профильное распределение по линии МВД после окончания «вышки», так как душой и телом уже был в «Вымпеле», хоть ты его «Вегой» назови. В результате я попал в отдел по экономическим преступлениям Юго-западного округа, где начальником отделения у меня был бывший боксер, а наставником – мудрый и еще более хитрый, нежели я сам, старший опер. Полгода с ними – отдельная эпопея, достойная отдельной книги. Несмотря на то, что я жил ожиданием, мне удалось получить опыт, который впоследствии очень пригодился на нелегальной работе в спецотряде

Тем временем, как я уже говорил, в конце августа «Вегу» передали в ФСБ, и мой перевод в спецназ стал принимать очертания призрачные. Одно дело перейти из милиции в милицейский же специальный отряд, и совсем другое – в госбезопасность. Однако я настойчиво «пробивал концы» и не думал отступать. Выйдя на заместителя начальника Управления, я убедил его написать на меня «Отношение» – документ весьма своеобразный и вне формата, который обозначал и мое наличие как достойного кандидата, и возможность перевода из ведомства в ведомство. С первого захода не уда-

лось, но мне была назначена вторая встреча в кабинетах Лубянки. С вечера я готовился, представлял, что скажу, как буду вести себя... А утром, еще до рассвета, стало известно, что погибла в аварии моя тетка, мамина сестра, которую я звал «няней» – сами догадайтесь, как она была мне дорога. Я разрывался, понимая, что нельзя оставить мать одну с этой болью, но именно мама сказала: «Езжай, все потом...» И я поехал. Мысли были далеко-далеко, я забыл даже должность человека, с которым разговаривал, перепутал его отчество, но все же добился того, что меня сочли достойным, чтобы ходатайствовать о переводе.

Потом были тяжелые дни с организацией похорон – и снова ожидание.

Межведомственный перевод – сложная бюрократическая процедура, и она в конце концов заглохла в высоких кабинетах, где и без меня хватало забот. А я все ждал, когда мне скажут: «Берем», и был готов уволиться.

Депрессивность службы в милиции того времени трудно описать словами. Если вкратце – люди либо становились пройдохами, либо сгорали. Мой сокурсник, служивший со мной в одном отделе, простой тихий паренек, любивший футбол и утреннее чтение «Спорт-Экспресс», в один прекрасный день просто взял да повесился на рабочем месте. А я постоянно вспоминал моего молодого наставника из РУБОПа Павла Кривенкова, который погиб, расследуя дело о фальшивых авизо на огромные суммы, и чья гибель потряс-

ла меня реакцией коллег на нее. Я увидел страх, увидел желание отстраниться – и совсем не увидел желания отомстить. И понял, что не смогу тут быть. Это сказывалось на служебных перспективах, ведь я банально пропускал неплохие возможности карьерного роста. О чем, честно говоря, и не думал, ибо в юной моей голове имелось только одно значимое понятие: польза Отечеству. А какая тут польза, если бандиты размазали нашего парня, славного парня, по асфальту – и его коллеги делают вид, будто так и было.

На мое счастье, к февралю 1996 года пертурбации вокруг «Веги» и внутри нее кончились – и группа вспомнила обо мне. После звонка Дим Димыча я написал рапорт на увольнение.

Начальство рапорт проигнорировало.

Тогда я перестал ходить на службу.

Это не помогло.

Как оказалось, в связи с нехваткой личного состава, которая только в нашем отделе по экономическим преступлениям составляла около 60 %, ходить на работу было вовсе не обязательно. Главное – не портить своим увольнением статистику по кадрам.

Тогда я переменял тактику – и три дня подстерегал начальника УВД у дверей его кабинета, чтобы отдать рапорт лично в руки. Наконец, я буквально всучил ему документ и нагло попросил не тянуть, так как меня давно ждут в спецназе. Помню до сих пор усталый взгляд, в котором читалось,

что шеф прекрасно знает мою судьбу на много лет вперед, и ничего хорошего там не видит. И все же он расписался – и протянул рапорт удачно оказавшемуся рядом начальнику кадров.

Вот так я уволился из одних «органов», чтобы пойти в другие.

А можно скажу красиво? Извините, очень хочется.

Одна дверь закрылась, чтобы я мог войти в другую.

Глава третья: Первые дни

Первый день в подразделении я помню хорошо. До этого были поездки с документами, было предварительное знакомство с людьми, было еще небольшое ожидание, но, главное, все двигалось, и развитие событий радовало меня невероятно.

Помню, как сейчас: февраль 1996 года выдался довольно теплым, и в двадцатых числах даже разогрело до плюс одного-двух градусов.

В отдел я зашел в тот день вместе с будущим сослуживцем, которого назовем Сашкой. Мы до сих пор спорим, кто из нас стал пятнадцатым, а кто четырнадцатым по счету в списочном составе группы, которая фактически собиралась заново с нуля, имея лишь троих опытных сотрудников, успевших поработать в первом «Вымпеле». К слову, Артем, второй кандидат из «вышки», с которым мы проходили отбор битьем и мытьем, не попал в состав.

Свой набор мы стали называть «вторым Вымпелом». Это было честно, так как и люди, и задачи уже были другие.

За первый месяц службы я умудрился зарекомендовать себя человеком странным. Оперская субординация сильно отличалась от субординации военной, и одно дело обсуждать, как провести оперативное мероприятие, а другое – получение боевого задания... или даже не боевого. В целом,

мне было довольно сложно перерабатывать свой характер под военную специфику, особенно с учетом того, что большая часть моих товарищей имела эту специфику, что называется, в прошивке. И поначалу отношения у меня складывались хорошо только с теми, кто сам был прямым, как палка, и любил такую же прямоту в окружающих.

Именно такими оказались два майора: начальник и его зам из старого состава.

Было огромной честью служить под их началом в Балашихе, рядом со «старым городком», где готовились кадры еще для войны в Испании, диверсанты из группы Судоплатова и Старинова, в том числе легендарный Николай Кузнецов.

Первым делом мы получили экипировку и обустроили быт. Наши кабинеты (где мы проводили очень мало времени) назывались кубриками по военно-морской традиции, напрямую связанной с основанием «Вымпела» и его первым командиром. Кабинеты были сдвоенные, со своей душевой и туалетом.

Сюрпризы начались сразу. Экипировка оказалась невероятно разнообразной. Я получил три разных армейских камуфляжа (и зимние комплекты), стандартную повседневную форму, лётный костюм с зимними штанами и полушубком (весьма любимым нами в зимнее время), «афганку», «полевку», милицейскую форму (осталась со времен «Веги», выдавалась еще пару лет, ее использовали потом на спецоперациях в Чечне) и кучу белья. В общем, на склад пришлось хо-

дить дважды. Обустройство заняло полдня, а это по меркам спецназа целая вечность. Но к обеду в нашей столовой, где я впервые за многие месяцы вкусно и много поел, я был уже полностью готов к новой жизни.

И она началась. Кроссы, которыми мало кого удивишь, постоянная работа на выносливость, отработка тактических приемов во всех возможных ситуациях, начиная с боя в тесной комнате до полевых условий... Промышленный альпинизм, который плавно перетекал в альпинизм обычный... И, естественно, знакомство со всеми видами оружия, которого было просто немерено. Часть занятий приходилась на самоподготовку – и тогда никто не расслаблялся, а наоборот, мы, сознательные лейтенанты, учились с особым остервенением и самоотдачей. Одна из главных черт «Вымпела» – отсутствие какой-либо разъяснительной работы для убеждения сотрудника, что он должен напрягать все силы ради самосовершенствования. Для людей, перешагнувших порог балашихинской базы, это было не просто непреложной истиной, а жизненной необходимостью.

Параллельно шла минно-взрывная подготовка, медицинская, владение специальной техникой, основы нелегальной разведки. И если часть, касающуюся оперативной работы, я уже имея знания и некоторый опыт, усваивал без труда, то в воинских дисциплинах мне все приходилось зубрить с нуля, с завистью поглядывая на товарищей, окончивших военные училища.

Иногда целые сутки были посвящены обработке операций. Зайдя утром в кубрик и переодевшись, ты возвращался только на следующее утро – вымотанным и счастливым. Это было то, к чему мы стремились. Жизнь, о которой мы мечтали. Дождь, снег, зной, слякоть, ветер – ничтожные препятствия на пути к цели. Усталость, постоянное движение без сна и отдыха больше суток, жажда, голод, травмы – все это осознавалось лишь как необходимые уроки ради того, чтобы однажды проявить себя. И когда-нибудь потом, возможно, гордиться, что прошел этот путь.

Так началось лето. Последние дни затишья для «Вымпела». Нас еще не знали, как использовать. Практически новый состав – необстрелянный, необкатанный. И, вдобавок, репутация «непокорных» после отказа штурмовать Белый Дом. В этих условиях, особенно когда конфликт в Чечне уже грозил необратимыми последствиями, наше руководство искало пути заявить о подразделении на самом верху и вернуть «Вымпел» в строй именно как элиту спецназа с задачами государственного значения.

Одним из вариантов было возобновить регулярные учения с целью «аудита безопасности» внутри страны. Будучи создан изначально для диверсионной работы, «Вымпел» умел это делать как никто другой. Поиск уязвимостей на объектах стратегического значения и последующая модернизация систем защиты – изюминка «Вымпела».

Первые такие учения прошли еще в СССР, в 1984-85 го-

дах под кодовым названием «Неман». Тогда в Белоруссии наши предшественники «вывели из строя» крупный железнодорожный узел Калинковичи и «взорвали» нефтеперегонный комбинат, заложив более двадцати зарядов.

Дальше был Ярославский завод синтетического каучука, Армянская АЭС, Магаданская область, Чукотка, Белоярская АЭС, знаменитая и масштабная операция «Чесма» на территории всего СССР, Калининская АЭС, атомный ледокол «Сибирь» и многое другое, что до сих пор осталось секретом для обычных граждан. Никто кроме «Вымпела» не делал ничего подобного в таких масштабах.

А теперь у нас была Чечня... Конечно, лучше бы ее не было, но как ни крути, это место для «боевой обкатки», без которой нам – никуда. И ездить туда небольшими группами стали при первой же возможности. А шестого августа 1996 года боевики начали штурм Грозного, перед которым, несмотря на протесты, войска были выведены с позиций, передав их МВД. В городе остались и две группы «Вымпела». Одна из них держала оборону там, где ее застал штурм – общежитие ФСБ. Без укреплений и подкреплений, несколько дней сдерживая шквальный огонь и попытки штурма превосходящих сил боевиков, бойцы «Вымпела» превратили здание в «дом Павлова», не поддавшись на уговоры Гелаева сохранить им жизнь и сдаться.

Мы встречали выживших ребят на базе. Раненые, посеченные осколками, но отказавшиеся от госпитализации, они

сдавали не брошенное ими оружие и собирались домой. Вспоминая тех, кто не вышел из боя...

Именно тогда мне стало ясно, что «началось». Времени на обучение уже не было. Мы дневали и ночевали на базе.

И вот, чего-то дождались.

Глава четвертая: Обстоятельства

– На, держи свою херню.

– Все-таки херня? Я только пару страниц успел.

– Да сначала вроде ничего, а потом – мама дорогая, этот дятел, оказывается, киллер. В смысле, он легендируется под киллера, чтобы зайти в какую-то мафиозную структуру. «Мазерати», блин, купил. Из кабаков не вылезает. Все девки – его. У меня один вопрос: если он такой крутой, чего смокинг не носит?

– Понял, вычеркиваю.

Книжка полетела в урну. А я полетел готовиться к выполнению поставленной задачи. Полетел – как на крыльях.

Нам приказали проникнуть на секретный объект стратегического значения и устроить там учебную диверсию. Но в приказе имелся еще один скрытый смысл. Вот что объяснил Дед. После возвращения «Вымпела» в структуру органов безопасности, прежние задачи тоже вернулись к нам обратно, хоть и не в полном объеме. И для начала в тестовом режиме. И наше с Игорем задание – своего рода проверка. Справимся – и группе дадут работать, как в старые добрые времена, не потянем – будем «элитным ОМОНОм» и на большее можем даже не надеяться... А поскольку людей с опытом работы в оперативных подразделениях и соответствующим образованием у нас в отделе раз-два-три и обчелся, при-

чем, три – это я, – то выбор невелик и очевиден. Действуйте, молодые люди...

Фактически, от нас с Игорем зависела дальнейшая судьба «Вымпела». И мы были полны решимости устроить эту судьбу наилучшим образом.

Главное теперь – не перегореть при столкновении с реальностью. Потому что реальность была, мягко говоря, суровой.

Вы обратили внимание, как Дед подчеркнул: мы с Игорем на задании с голоду не умрем?

Еще совсем недавно это был бы вопрос спорный.

Попробую объяснить: вот, элитный спецназ КГБ передают в МВД. Личный состав недоволен и начинает увольняться. МВД пытается сохранить кадры, ради чего изо всех своих тогдашних сил заваливает группу материальными благами. В отряд поступает много нового оружия, много экипировки... но тут – опаньки! – ребята, валите-ка вы обратно в госбезопасность. И, как нарочно, в середине финансового года. Вдобавок, помимо очередного перехода из ведомства в ведомство, отряд пережил смену руководства, а также перетряску самого ведомства, которое тогда колбасило совершенно не по-детски. И денежная река вдруг усохла до тонкой струйки из-под крана (справедливости ради, денег тогда у госбезопасности было меньше, чем у МВД). Резко упал поток вооружения, начались ограничения в боеприпасах на стрельбах, а главное – задержки в зарплате.

А молодым офицерам зарплата нужна, чтобы развиваться

и самосовершенствоваться. Или хотя бы оставаться в форме. В общем, чтобы ежедневно что-то есть.

Да, друзья мои, в «святые девяностые», как их сейчас зовут некоторые индивидуумы, голодали не только инженеры и рабочие. Элитный спецназ выживал, как все. Сами шили себе разгрузки, потому что штатные не очень удобны, а на покупные денег нет. Сами латали форму и придумывали новую экипировку из подручных средств. И экономили на всем. Даже на еде. Да чего там, на еде в первую очередь. Прекрасная наша столовая устраивала недели украинской кухни, узбекской... один запах которой мог свести с ума и заставить забыть, что тебя ждет марш-бросок. Но многие брали пустую гречку и рис. Отнюдь не потому что на полный желудок труднее бегать.

Какое-то время денег не было вообще, и, если успевал поест в столовой утром, заняв на завтрак у товарищей (поди еще найди, у кого осталось что-то на кармане) – это был твой единственный прием пищи.

А нагрузки – серьезные. И в один из жарких дней молодой сотрудник грохнулся на тренировке в голодный обморок. Начальник отдела построил личный состав и ушел на доклад к начальнику Управления. Через десять минут вернулся с ним в спортзал. Перед строем майор обратился к генералу с просьбой разрешить личному составу убыть ночью на железнодорожную станцию N для разгрузки вагонов, чтобы иметь возможность прокормить себя и свои семьи.

Генерал взглянул на мутные от усталости глаза и запавшие от недоедания щеки сотрудников, крикнул и уехал. Вечером мы получили денежное довольствие, которое позволило нормально питаться какое-то время... Да, к слову, подработок у нас не было и быть не могло: мы же занимались днем и ночью. С перерывами на теорию. Иногда сами не замечали, что пропускали обед или ужин, потому что были увлечены своей новой жизнью больше, чем простыми физиологическими потребностями. Голод, конечно, терзал молодой растущий организм, особенно после трудного дня, но мы научились обходиться малым. Лишь бы это малое у нас было.

Невыплаты и задержки мучили нас недолго – полгода, может, чуть больше. Многим в нашей стране было гораздо тяжелее. И мы это знали. Мы жили среди них. И были готовы умирать ради того, чтобы жили другие. Нет, не стремились... Просто были готовы.

Короче говоря, задачу нам поставили в весьма сложной обстановке. Вообще, чтобы понимать, чем дышала тогда Россия, стоит напомнить в паре абзацев, что собой представлял 1996 год.

Сейчас, оглядываясь назад, я думаю: ну и годик!

Еще одна историческая справка

9 января террористы Салмана Радиева вошли в дагестанский город Кизляр, захватили здание роддома и городскую

больницу. 16 января Анатолий Чубайс ушел в отставку с поста первого вице-премьера России, и в тот же день в черноморском порту Трабзон группа прочеченских террористов Мохаммеда Точкана захватила паром «Авразия» с 212-ю россиянами. Через два дня боевики заявили о намерении сдаться турецким властям, что в итоге и сделали. Спустя несколько дней паром вернулся в порт Сочи.

Но самое значимое событие – 6 марта, когда началась Первая чеченская война с нападения боевиков на Грозный под общим командованием Аслана Масхадова. 16 апреля 245-й мотострелковый полк российской армии попал в засаду у селения Ярышмарды. По официальным данным 53 военнослужащих убито, 52 ранено. 21 апреля уничтожен Джохар Дудаев, первый президент самопровозглашенной Чеченской Республики Ичкерии и уже формальный глава всех бандформирований на ее территории.

27 апреля – событие, не менее важное в известном смысле: опубликовано обращение тринадцати ведущих российских бизнесменов («олигархов»), в числе которых были Б. А. Березовский, В. А. Гусинский, В. О. Потанин, А. П. Смоленский, М. М. Фридман, М. Б. Ходорковский. Письмо завершалось предостережением: «Отечественные предприниматели обладают необходимыми ресурсами и волей для воздействия на слишком беспринципных и на слишком бескомпромиссных политиков». Фактически это был ультиматум олигархата государственной власти.

24 мая федеральные войска взяли Бамут и господствующую над местностью высоту «Лысая гора». 27–28 мая в Москве прошла встреча российской и ичкерийской (возглавляемой Зелимханом Яндарбиевым) делегаций, на которой удалось договориться о перемирии с 1 июня 1996 года и обмене пленными. По окончании переговоров Борис Ельцин вылетел в Грозный, где поздравил военных с победой над «мятежным дудаевским режимом» и объявил о сокращении срока службы участникам конфликта.

По сути, перемирие ничего не решило, так как мятежная республика не вернулась под контроль России полностью, да и контроль части ее территории был таковым весьма условно. Чеченские руководители сразу начали готовиться к новому противостоянию, в Чечню пошли новые деньги и началась подготовка новых боевиков. Уже 11 июня произошел теракт в московском метро на станции «Тульская»: погибли 4 человека, ранены 12. Взрывы были и в других регионах, но в общую статистику не попадали: в стране шли выборы. Именно под них и было заключено перемирие, выгодное Ельцину для получения очков к своему крайне низкому рейтингу.

После первого тура, когда стало видно, что результаты неубедительные, пришлось действовать жестче. 18 июня Ельцин объявил о назначении Александра Лебеда секретарем Совета Безопасности, с особыми полномочиями и посулами возможного преемничества. В тот же день по дого-

воренности с Лебедем был отправлен в отставку министр обороны П. Грачев. 19 июня 1996 года случился широко оглашенный в СМИ инцидент: арест политтехнологов Ельцина – С. Лисовского и А. Евстафьева с коробкой из-под ксероксной бумаги, в которой лежало 538 тысяч долларов. На следующий день Ельцин отомстил: уволил заместителя председателя Правительства России О. Сосковца, директора ФСБ М. Барсукова, а также начальника службы безопасности Президента А. Коржакова.

Перед вторым туром, 28 июня, произошел взрыв на автовокзале в Нальчике (Кабардино-Балкария) пассажирского автобуса «Икарус»: погибли 6 человек, ранены более 40.

Лебедь появился рядом с Ельциным перед телекамерами, поддержав его и фактически решив исход второго тура выборов. По крайней мере, так это выглядело. Известна версия, что на самом деле результаты были слегка «подправлены»: народ, разочаровавшись в «новых веяниях» и сполна уже хлебнув горя, решил открутить время назад и большей частью проголосовал за Зюганова, который сам оказался не готов к этому, так как никакой фактической властью не обладал, кроме митинговой.

Почти сразу после выборов боевики осмелели, и акты террора участились. 11 июля – взрыв в троллейбусе маршрута № 12 на Пушкинской площади в Москве, ранено 8 человек. 12 июля – взрыв в троллейбусе маршрута № 48 в Москве на проспекте Мира, ранено 26 человек. 19 июля – взрыв в зда-

нии железнодорожного вокзала Воронежа (Воронеж-1). По случайности сработали лишь детонаторы, а основной заряд мощностью около 20 кг в тротиловом эквиваленте не сдетонировал. 25 июля в Волгограде мощным взрывом был разрушен хвостовой вагон пассажирского поезда, прибывшего из Астрахани.

Шаткое перемирие, в котором власть делала вид, что победила, было окончательно разрушено, когда чеченские боевики провели массированный штурм Грозного. Вооруженные Силы России вели тяжелые бои, потеряв контроль над большей частью города. Чеченскими отрядами были атакованы одновременно с Грозным и другие крупнейшие города республики – Аргун и Гудермес. Притом, если в Аргуне федеральным силам удалось удержать только здание комендантуры и территорию завода, где располагался 303-й Отдельный батальон 101-й бригады, то Гудермес был сдан вообще без боя. После этого были заключены Хасавюртовские соглашения, положившие формальный конец Первой чеченской войне. И как только этот чисто бумажный мир настал, враг начал готовить новый удар...

Конец еще одной исторической справки

Вот в такое непростое время нас отправляли в командировку.

За тридцать лет, что прошли с того дня, жизнь изменилась

радикально. Сегодня можно сказать: «Хочу домой» и услышать в ответ: «Маршрут построен». Построить в 1996-м году маршрут нашей командировки оказалось задачей нетривиальной.

Когда отряд швыряют из одной силовой структуры в другую и обратно, его секретная библиотека страдает даже сильнее, чем штатный состав. Потому что проще уничтожить или списать секретную документацию, чем возиться с утверждением ее передачи другому ведомству. Перекидывание туда-сюда «секретной части» привело к тому, что у нас в библиотеке были топографические карты только 1:200 000 и очень редко 1:50 000. На что похожи карты в таком масштабе, сложно объяснить молодому поколению. Ну, представьте, что вам по умолчанию Яндекс показывает на местности отдельные домики и деревья, а потом – бац! – только корбочки кварталов, и то не все. И даже города не все отмечены. Вот что мы имели, готовясь к командировке, и толку от этого оказалось минимум, ведь на картах такого масштаба никто в то время не отмечал «закрытые административно-территориальные образования». Они тогда были действительно ЗАТО, с очень большой буквы «З», и уж тем более – тот секретный городишко, на который мы нацелились.

Интернет в те дни был великим и гипертекстовым. В основном. Из российского – всего ничего: библиотека Мошкова, сайт РБК, «анекдот. ру» и «городской кот». Однако даже туда мало кто заглядывал, потому что первое интернет-кафе

появилось лишь в январе того года в Санкт-Петербурге, а домашний доступ был роскошью, смысл которой еще осознали далеко не все. Даже первая поисковая система «Рамблер» открылась лишь в конце сентября 1996-го. «Залезть в интернет и погуглить» для нас было примерно так же, как попить кофе на Марсе. У меня, довольно продвинутого по тем временам парня, был компьютер, но модем я пока не купил, ибо не видел в нем необходимости. Да и будь он – а много ли толку? Не каждый сейчас представит себе скорость интернета в 25–30 кбит/с, которая еще зависит от качества телефонного провода и возможностей держать телефон не занятым.

Кстати, о телефонах. Мобильные уже были, но точно не для нас. Сотовая связь только начала свое шествие из Питера по стране, и за пять лет с первого звонка Собчака еще не достигла приемлемых цен, а как следствие, и востребованности. Поэтому многие (но далеко не все) ходили с пейджером. Что тоже считалось круто. И организация могла отправлять сообщения всем своим абонентам разом: очень удобно. Но сначала мы носили «мультифоны»: такие же коробочки, где вместо экранчика с текстом – две лампочки, красная и зеленая. Если загоралась зеленая, ты должен был в течение получаса найти телефон (с рабочими таксофонами тогда были проблемы в городе – их ломали часто) и позвонить дежурному. Обычно он давал какое-то индивидуальное указание, которое надо выполнить в срок. Если же красная – то у тебя ровно час на прибытие к точке сбора. Все очень просто и

лаконично. Пробыли у нас «мультифоны» недолго, их место заняли пейджеры. И было очень приятно вечером позвонить оператору пейджинговой компании и заказать на пять утра сообщение «Доброе утро, дорогой Дима!» самому себе. Чудесный будильник, который скрашивал подъем чуть раньше комфортного для меня времени...

Короче говоря, все данные мы добывали с бумажных и биологических носителей. Под последними я имею в виду синаптические связи между нужными нейронами у более старших и опытных товарищей. И, если в библиотеке у нас все было на тот момент очень печально, то со старшими товарищами – получше и попроще. Данных было больше. За одним только исключением.

Я уже говорил об этом, но теперь вы лучше поймете весь драматизм ситуации, значит, самое время повторить: никто никогда не был там, куда нас послали.

Прямо как в сказке: идите туда, не знаю, куда.

Спасибо, что мы хотя бы знали, чего там надо найти.

Поступила информация, что следующие теракты могут случиться на объектах ядерного комплекса нашей страны. Ни где они могут произойти, ни когда, как и какими силами – неизвестно. Единственное верное решение на тот момент – усилить все, что можно усилить.

Вообще-то, структуры безопасности на местах (не всех, но многих) работали в усиленном режиме и так, но именно это и выбивало их из ритма. Находиться в усиленном режи-

ме несколько месяцев подряд – невозможно. Даже несколько дней – тяжело, а представьте, если у вас сокращенный состав, часть которого уволилась, не выдержав новых экономических условий службы за копейки, а часть – в командировке в Чечне. В результате многие отделы «боеспособны» только на треть. И уже замотаны до изнеможения. Но дергать их и проверять усиление надо все равно.

Это был вопрос жизни и смерти без преувеличения. И нам, тогдашнему «второму Вымпелу» поставили задачу провести учебно-боевые выезды на все значимые точки ядерного потенциала страны. Несколько выездов уже прошли в режиме антитеррористических учений: наша команда изучала с помощью местных все окрестности, после чего проводила учебный захват и отработку противодействия. Но такая методика была половинчатой и не гарантировала усиления режима в длительной перспективе.

И тогда решили предварять официальную часть неофициальной – в виде выезда «учебных диверсантов» на местность задолго до начала самой операции. Чтобы проверить работу контрразведки в реальных условиях. И тут все становилось очень интересно и увлекательно.

Поскольку мало кто знал, что диверсанты будут учебными, задача приобретала несколько э-э... неучебный вид с точки зрения местных органов правопорядка. Если вы понимаете, о чем я.

И вот за этим нас послали... Из Балашихи – в Сибирь.

«Задача: проникнуть на территорию ЗАТО “Красноярск-26”, получить сведения о режиме работы предприятия, путях подхода к нему, возможностях проведения диверсионно-террористического воздействия и дестабилизации деятельности».

И выезд – послезавтра.

Вот с этого момента и начинается самое веселое.

Глава пятая: Подготовка

Что можно написать о подготовке в два дня? Многие скажут, что это несерьезно, и будут почти правы. Но в условиях военного времени, которое де-факто было в России, и того, что действия наши были максимально приближены к реальной ситуации, такого промежутка – более чем много.

Естественно, первым делом мы пошли в библиотеку, чтобы припасть к источникам знаний. Там нас ждало разочарование номер раз, уже вам известное: ни карт, ни описаний, ни даже простейшего справочника на нужную тему не нашлось. Мы тщательно изучили сам Красноярск, насколько позволяло время, и решили, что «пусть будет по-взрослому» – на местности разберемся.

И еще несколько вопросов нам надо было закрыть быстро и самостоятельно. Но перед тем, как закрыть – доложить, обосновать, получить одобрение и, соответственно, ресурсы.

Важнейший элемент подготовки – придумать и отработать легенду своего нелегального пребывания в регионе. Что нынче модно в Сибири, и кем лучше прикинуться, чтобы произвести там впечатление, а не вызвать подозрение, я понятия не имел, а потому решил исходить из своих возможностей. Я стал экстрасенсом-целителем, а по совместительству еще и адептом славяно-горицкой борьбы с удостоверением на право преподавания и открытия клубов и школ.

Ничего удивительного: большинство оперативников того времени имели профильные наработки по таким вопросам с достаточно сильным погружением в тему. Важно было быть, как сейчас говорится, в тренде. 90-е годы – период расцвета экстрасенсов и целителей, который был намного сильнее их ренессанса в 2010-е. Газеты и телевидение просто кишели Чумаками, Кашпировскими и иже с ними. Покровительство им оказывалось на самом высоком уровне, вплоть до Президента России. Небезызвестный в то время Георгий Рогозин, будучи первым заместителем начальника Службы безопасности Президента РФ, вполне официально занимался вопросами астрологии, телекинеза и парапсихологии в звании генерал-майора ФСБ России, а в 1996 году вошел в состав Межведомственной комиссии по защите государственной тайны. В этой атмосфере моя научная работа, написанная еще в студенчестве, на тему оккультных сообществ и особенностей вовлечения в них, была как нельзя кстати. Писал я ее, изучая изнутри все значимые на тот момент оккультные и мистические секты, включая «Аум Сенрикё», которое собирало целые стадионы на свои лекции, «Белое братство» Марии Деви Христос из Донецка и множество менее значимых, но не менее деструктивных и опасных.

Я прекрасно гадал на картах, читал линии на руках, освоил по книжкам курс Мюнхенского института парапсихологии и разбирался в том, кто что собой представлял в «мире властителей потустороннего мира». Поэтому сформировать

легенду мне было просто.

Особых документов для подтверждения такой легенды не требовалось. Через знакомых я организовал себе удостоверение от школы славяно-горицкой борьбы, которая была популярна в то время, но не очень известна в регионах.

Удалось мне получить, буквально в день постановки задачи, и новый паспорт на другую личность, оформлением которого я также занимался сам. Благо, что курс криминалистики, пройденный в лучшем на тот момент заведении, был мной освоен успешно и с высокими оценками. Сейчас уже большая часть нюансов того оформления де-факто канула в Лету. А тогда наклоны букв, штрихи, скрепки, края обрезов фотографии – масса мелких деталей, которые имели свою специфику в каждом регионе и были известны любому мало-мальски подготовленному сотруднику милиции, который брал у вас документ на проверку, – имели огромное значение и могли стать причиной провала.

После командировки паспорт, естественно, полагается сдать, так что побыть инофамильцем мне придется недолго. Но, главное, я это смогу. Бланков паспортов у нас очень мало, и выцганить его на свою задачу уже было успехом, ведь ехать по своим документам в командировку на нелегальную разведку – верх неосмотрительности, хотя и такое случалось, чего уж там.

Собственно говоря, на паспорте и легенде моя удача исчерпалась. Задействовать все это за два дня, утвердить и

обосновать на третий, получить деньги на билет и первичное проживание, получить благословение и напутствие, собрать чемодан... Сумку, конечно.

Вспомнив, что лежало в той сумке, хочу притормозить и объясниться.

Одно из важных обстоятельств этой истории – мы были молоды. Я бы даже сказал – юны. Казалось бы, к двадцати двум годам я накопил опыт, которого сейчас многим хватит на пару жизней. Но с высоты прожитых лет вижу себя тогдашнего зеленым и лопухим юнцом. Он был готов ко всему, что ему известно – и считал, будто готов ко всему, что неизвестно, но точно предстоит. Это ярко проявилось в подготовке к выезду. За два дня мы проштудировали всю доступную информацию о территории условного противника, но... Мы никогда не бывали в Сибири. И так сложилось, что рядом с нами – ни одного сибиряка. Но мы же умные! Посмотрев по глобусу широту Красноярска и увидев, что она примерно как в Москве, мы решили, что и погода там примерно та же. Резко континентальный климат? Нет, не слышали... Поэтому на сентябрь месяц каждый взял пару рубашек, несколько маек и, на всякий случай, по легкой куртке.

Так как два дня, если, без шуток, очень мало, а задача была крайне важна для всей группы «Вымпел» без преувеличения, то нам везде, где могли, дали зеленый свет. Мы забросили тренировки и занятия – и дни (и ночи) напролет возились с подготовкой документов прикрытия и отработкой легенды.

До Красноярска мы должны были добраться самолетом – и так вышло, что у нас обоих это был первый полет на гражданском лайнере. К тому моменту мы уже успели прыгнуть с парашютом, десантироваться с вертолета, а вот на гражданских – как-то не сложилось. Еще один, хоть и небольшой, но лишний повод нервничать, тем более, что и билеты мы заранее взять не успели, и паспорта у нас не свои.

Собственно, мы уже были на нелегальном положении. Еще сидим на базе, а уже вступили в игру.

Едва мы получили на руки документы прикрытия, нас сразу же уведомили, что условный противник (весь Красноярский край в лице всех государственных органов, начиная с ФСБ и милиции – и кончая транспортниками и здравоохранением), предупрежден, что учения начались, что в них будет участвовать столько-то человек, и что это сотрудники такого-то подразделения.

То есть, по условиям учений, нас сдали еще до их фактического начала. Не полностью, конечно: ни имени, ни фото, ни описательной части нашей внешности. Но все равно мы начинали работу в крайне неблагоприятных обстоятельствах, с максимальным перевесом в соотношении сил и информированности у нашего противника. И еще одна новость прямо-таки бодрила: против нас будет работать весь регион, так как вопрос государственный, но, помимо прочего, по итогам учений станет ясно, кем уйдет на пенсию начальник УФСБ Красноярского края, генерал-майором или гене-

рал-лейтенантом. А это очень значимый мотиватор по тем временам.

И вот, дверь родного КПП закрылась за нами, и мы с компактно уложенным багажом (укладка рюкзака – отдельная секретная дисциплина, которой никто никого не учит, но навыки появляются сами собой, позволяя впихнуть невпихуемое в довольно скромные по габаритам сумки) убыли в аэропорт Шереметьево. Где, полные радужных надежд и готовые к трудностям, обнаружили, что билетов на сегодня уже нет.

Мы даже не догадывались, как нам с этим повезло.

Тут два нюанса. Во-первых, вся командировка, несмотря на срочность, была согласована и расписана по датам, начиная с прибытия и кончая убытием. Во-вторых, билетов не было на те места, которые мы могли себе позволить. Что значит «позволить»? Очень просто. Все траты оперативных сотрудников регламентируются приказами и инструкциями, где даны нормативы денежных расходов, от питания до класса вагонов поезда и билетов на самолет. Все сообразно чинам, длительности, срочности, важности, уровню согласования и подписания. Наш вылет считался стандартным по этим канонам. Мы не могли потратить деньги на класс выше среднего, то есть, взять и купить себе «бизнес». А эконом-класса просто не осталось. «Товарные составы» Аэрофлота, увы, были недоступны, а то бы мы и стоя полетели. Ну, что же... Как хорошо подготовленные сотрудники, мы вынули из карманов запас двухкопеечных монет – и с таксофона позвони-

ли на базу. Строго говоря, это было лишнее, ведь мы прекрасно знали, что нам скажут, почему скажут – и, более того, какими словами. Так и произошло.

Единственная реплика Деда, которой мы не ждали: «Если что опять – сразу снова!»

И здесь мы приняли решение, которое сыграло весьма значительную роль в нашей командировке. Мы купили билеты в первый класс авиакомпании «Сибирь» (нынешняя S7), имея в виду, что часть средств, которую нам не спишут по классу покупки, возместим из своей зарплаты. Решение вполне логичное и понятное по тому времени и обстоятельствам.

Таким образом, впервые на самолете мы с Игорем оказались в первом классе и устроились весьма недурно. Как сейчас помню или делаю вид, что помню, места были справа от прохода, во втором ряду. Почти весь полет мы проспали, игнорируя даже прием пищи – не из сытости, а из глупости, ибо нам казалось, что за это надо доплатить, а денег в обрез, и привычка экономить на еде дала о себе знать. Стюардесса улыбалась, видя, как мы шуримся, прикидываясь, что спим. И я вспоминаю это с улыбкой.

Иногда приятно вспоминать свои глупости, особенно, если они невинны и не привели к масштабной катастрофе.

В какой-то момент стало ощутимо холодно, и нам раздали теплые пледы. Сидя рядом, мы почти не разговаривали и, более того, делали вид, что не знакомы. Это соответствовало

нашим легендам. А их мы придерживались изначально, еще до посадки в самолет. Для нас начался отсчет времени на выполнение поставленной задачи...

На прощание мы получили от стюардесс по несколько бутылочек со спиртным, которые решили сохранить на память.

Красноярск встречал нас насупленно и ветрено.

Было тридцатое августа 1996 года.

Глава шестая:

Красноярск, день первый

Первое, что насторожило: все пассажиры, которые летели в рубашках и футболках, как и мы сами, вдруг откуда-то достали теплые куртки и шапки. Неизвестность томила нас ровно пять шагов, что отделяли наши места от выхода. Уже на трапе мы поняли смысл поговорки, которой с нами поделятся впоследствии местные товарищи: «Сибиряк не тот, кто не мерзнет, а тот, кто тепло одевается!»

Мы не были сибиряками ни в каком смысле. И мы мерзли. Нас, как пассажиров первого класса, привезли отдельным автобусом в вип-зал, откуда мы почти бегом свалили в сортир. Где напялили по три майки, две рубашки и куртку. Собственно говоря, все, что взяли из вещей.

На самом-то деле, август в Красноярске не всегда такой суровый. Листая в интернете архив погоды, я вижу, что годом раньше там было около пятнадцати градусов тепла (на что мы и рассчитывали). Но в 1996-м градусов набралось от силы пять. Это местное коварство не выбило нас из колеи, но добавило впечатлений.

Там же, в аэропорту, мы купили зонты, которые не догадались взять с собой. Стоя на улице в незнакомом городе, фактически в центре Сибири, где ни разу не были и даже не

особо представляли, как тут люди живут, мы еще не знали, что нам очень повезло... И одновременно не повезло.

Но эти два события уравнились.

Для начала, нас предали. В кавычках, разумеется. Как я уже сказал, условный противник имел определенные сведения о диверсантах. Объем этих сведений мы с Игорем представляли только частично, но были готовы вести себя так, будто нас сдали, что называется, с потрохами. Но не до такой же степени! Чего мы точно не знали – противнику сообщили, когда мы приедем.

Именно поэтому нам нельзя было вылететь в другой день. Мы ведь рассматривали свои варианты: например, прилет в Иркутск, а оттуда уже в Красноярск, но тогда выпадали из графика. И мы пошли в лоб. Приготовившись, на всякий случай, к тому, что нас засекут уже в аэропорту. Но все же не подозревая, насколько плотно он «взят под колпак» именно в тот день.

Естественно, местные органы контрразведки мобилизовали почти весь состав наружного наблюдения на отслеживание потока пассажиров указанной даты. Со всех направлений. По всем маршрутам. Но тут, как я и говорил, нам повезло.

Приказы, которые регламентируют денежные траты, у всех одинаковы, а потому контрразведка прекрасно знала, что наш потолок это средний класс. И все выходы этого класса были окучены по максимуму сотрудниками, изучившими

наши словесные портреты. А на выход через вип-зону никто встать не удосужился. Мало кому могло прийти в голову в довольно голодные годы, что штатные сотрудники ФСБ в роли диверсантов придут «люксом». Пройдя мимо наблюдения, да еще потратив время на переодевание и покупку зонтов, мы выпали из сферы внимания «наружки», которая посчитала, что на этом рейсе нас не было.

Задержавшись в вип-зоне, мы заодно пропустили несколько автобусов, так что и на остановке нас уже никто не искал. Все «наружники» снова сосредоточились в зоне прилета. И теперь, свободные от наблюдения, но еще не зная этого, мы стояли под холодным дождем, размышляя, как разделимся и куда пойдём. У нас это было оговорено заранее, но погода несколько подпортила наши радужные планы. Мы думали, как сделать первый шаг... Первый шаг, который, по сути, и решит то, как мы закрепимся в регионе при полном противодействии всех органов власти.

Автобус отвез нас из аэропорта Емельяново в Красноярск. Я совсем не помню дороги, она показалась мне туманной и долгой, хотя, когда мы высадились на площади за Коммунальным мостом, было еще светло. Всю дорогу шел дождь, а мы, привыкшие к тому, что война может начаться в любую секунду, старались отдохнуть насколько возможно. И хотя уже спали в самолете, но еще почти час из трех в поездке на автобусе мы успешно имитировали безмятежность. Смотреть в окно было неинтересно, так как серая морось покры-

вала и все вокруг, и само стекло автобуса, который ехал лениво, не спеша, будто стараясь внушить нам, что эта серость – навсегда.

Запомнилось здание большой гостиницы «Турист» на кругу, с которого начинался проспект имени газеты «Красноярский рабочий», и три четырнадцатизэтажных дома, которые мы про себя окрестили «три тополя на Плющихе».

В полупустом автобусе, убедившись, что за нами никто не наблюдает, мы перекинулись парой фраз. Подтвердили направления, по которым расходимся на поиск базирования, и место и время встречи на следующий день.

Моим направлением был «Красраб» – слово я подслушал по дороге и уже знал, что это не просто название чего-то, связанного с красным или рабочим, а именно проспект имени газеты «Красноярский рабочий». Надо сказать, что знание местных идиом и жаргонизмов в деятельности разведчика зачастую важнее, чем одежда. В милиции мне приходилось изучать язык уголовников, чтобы понимать, о чем говорят в камерах, а без этого работа была бы вполовину менее эффективна.

«Красраб» – дорога сама по себе очень древняя, первое ее упоминание есть в семнадцатом веке, когда этот путь был частью Сибирского тракта, по которому шла торговля с Китаем, а также почтовое сообщение. Вот на этом тракте мне и предстояло найти убежище. Вышел я на него – и загрустил.

Погода стояла унылая. Настроение – не стояло вовсе, в

смысле – упало. Нет, уверенности было хоть отбавляй, но какая-то серость закралась в меня с улицы и окопалась внутри глубоко и серьезно. Невовремя я подумал, что через два дня мой день рождения, который я опять проведу вне дома, как и многие последующие дни рождения, Новые года и прочие праздники.

Я выбрал простой путь – дождался трамвая и сел в него, устроившись у окна, решив проехать весь проспект и начать поиски жилья с окраины города. Поездка в трамвае для меня была маленьким праздником. Можно сколько угодно кататься на автобусах разных марок, троллейбусах, метро, но только трамвай создает особую атмосферу. Этот мини-поезд уютно щелкал переключателями и стучал колесами, разгоня мою хандру. И через пару остановок настроение улучшилось. Я уже увлеченно глядел в окно, отмечая особенности местности, возможности проведения проверок на своих маршрутах и приметные места для встреч, которые не бросятся в глаза окружающим. Ответвления улочек и громадный даже по московским меркам парк рядом с Красноярским государственным цирком, и...

Я очнулся и «включился» очень вовремя. Иначе трамвай увез бы меня к конечной остановке «Шинный завод», где нет ни объектов соцкультбыта, ни шанса снять жилье. Но я вышел у ТЭЦ. Там раскинулся стихийный рынок, где, как обычно в те времена, продавали все и сразу, от продуктов до радиодеталей. Мотаться по рынку, вступая в разговоры с

продавцами и случайными прохожими – оптимальный вариант поиска жилья.

Через полчаса, жуя холодную булочку и запивая ее кипятком из пластикового стаканчика, где все никак не мог раствориться пакетик с «липтоном», я уже знал, что рядом тут общага-ночлежка, которая используется дальнобойщиками и рыночным людом. Окраина, куча народа сменяется ежедневно, выходы глядят прямо в рыночную толчею, всего два этажа – то, что надо. Конечно, я предполагал, что органы контрразведки, сохранившие на местах гораздо больше кадров с советской закалкой, просто обязаны «окучить» это заведение, но остальные варианты были точно хуже.

Я вошел в холл и направился к администратору. Худощавая брюнетка лет тридцати с усталым лицом и бейджем «Елена» мельком глянула на меня – и как-то подозрительно обрадовалась. Я никогда не льстил себе насчет своей внешности, хотя, не имел и привычки ее недооценивать. Так или иначе, избегать было поздно, а отступить – глупо. Стараясь изобразить уставшего коммивояжера, я попросил номер на пару дней и положил на стойку паспорт. Взяв документ, Елена, мило улыбаясь, скрылась в соседней комнате, где, я точно был уверен, стала набирать номер сотрудника-куратора.

Да-да, мои дорогие друзья. В то светлое время госбезопасность не бегала за мальчиками со свастиками, а тупо окучивала территорию, имея глаза и уши везде и всюду – и добыча сама шла ей в руки. При необходимости, даже уличный

ларек, где посменно дежурили три продавца, мог оказаться на две трети из людей, которые если не дали подписку о сотрудничестве, то, как минимум, вызубрили инструкцию по ситуациям, в которых надо звонить куда следует. И немедленно звонили.

Именно так и произошло в тот раз. Меня спасло то, что куратор уже получил информацию из аэропорта (по описанию никто из условных террористов не прибыл), а потому немного слажал и поговорил с Еленой неласково. Вернулась она уже не такая довольная и выглядела стандартно для текущей ситуации: то есть, потеряла ко мне интерес. Заполнив анкету, я получил ключи от номера и, провожаемый хмурым взглядом Елены, пошел заселяться.

На ходу я думал, что место выбрал ненадежное, и даже более того, именно отсюда начнется мой провал и слежка за мной. Пугаться нечего и незачем, ситуация рабочая: хорошая доза адреналина в кровь заставляет прокручивать в голове все варианты и искать выход.

С этими мыслями я и зашел в номер.

Он был размером со среднюю камеру предварительного заключения в среднем московском отделении милиции. И оформлен примерно так же. Вся разница, что здесь стояла железная кровать с пожелтевшим от времени и других причин матрасом, а на стенах была штукатурка, отставшая везде, где могла топорщиться, но пока не осыпаться.

Я лишь успел пнуть сумку под кровать и подойти к окну

с решетками, чтобы понять, что быстро отсюда не выбраться, если, конечно, думать о тишине и спокойствии прочих постояльцев, когда в дверь постучалась Елена. Свет в номере давала одна сорокаваттная лампочка, а потому в нем все скрадывалось и казалось несколько иным. Как и постельное белье, которое я получил в руки. На первый взгляд оно было чистым и белым.

Расстелив его, я обернулся к часам на стене: половина девятого. Учитывая, что общежитие было почти режимным объектом, и то, что я уже под подозрением, я все же решился выйти на улицу, чтобы еще раз проверить пути экстренного отхода и ухода от наблюдения. Да и спать особо не хотелось.

Прежде чем выйти, я раскидал по столу купленные на рынке путеводители по городу, таким образом, чтобы открытые страницы пересекались друг с другом на определенных буквах и строчках. На путевой дневник, куда я суматошно за две предыдущих ночи внес пространные записи из выдуманной жизни, положил ручку: носом она упиралась в точку в конце предложения, а хвостиком указывала на второй прут оконной решетки, находясь при этом строго параллельно правому краю стола. Не стоит пренебрегать такими простыми вещами в нашем деле, тем более, что вопрос пары минут зачастую может решить исход всей операции.

Учитывая скудное освещение, ящики стола я тоже своеобразно промаркировал, приоткрыв их на полтора-два миллиметра и запомнив разницу в расположении. Дверь не тро-

нул, потому что ставить «сторожевички», как показывают в фильмах, было бы моветоном. Всякие волоски, которые мне неоткуда было особо и вырвать, а тем более спички – дешевый трюк, который уже набил оскомину, разойдясь по всем криминальным сериалам. Молния сумки у меня была растегнута ровно на четыре зубца от края: вполне достаточно, чтобы понять, если кто в нее залезет кроме тараканов. Стояла сумка вдоль половицы, и ее днище отклонялось от прямой линии строго на пару градусов к стене. Раззадорившись, я еще и создал некоторый хаос из стационарных вещей, которые могли бы привлечь внимание: сдвинул кровать от стены на пару сантиметров; свернул одеяло и засунул его под матрац; вытащил гвоздь из плинтуса и слегка оттянул его; в одну из щелей половиц воткнул свернутый в трубочку старый автобусный билет, так, чтобы он торчал на сантиметр от поверхности, плотно уходя в зазор. Все эти милые забавы были направлены на то, чтобы отнять побольше времени у оперативников, которые станут вести осмотр и обыск в комнате, притупить их внимание бесплодными ловушками, заставить сомневаться в своих подозрениях и вызвать халатность в дальнейших действиях.

Закончив свою художественную инсталляцию и почувствовав себя ну просто-таки Штирлицем в тылу врага, я шагнул к двери.

– Вова, мать твою! Куда запаску дел?! Я тебе, паскуда, табло раскрою, если пропил, тварь!

Дверь напротив хлопнула, все стихло, образ Штирлица как ветром сдуло, я вышел. Коридор был пуст. Покинуть здание удалось безнадзорно, так как Елена скрылась в комнате отдыха, а ходил я всегда тихо со времен обучения бальным танцам. Смешно, но постановка стопы с носка на пятку пару раз спасла мне жизнь. А в остальных случаях просто помогла.

На улице еще не стихла суматоха дня, и я без особых усилий, не привлекая внимания, слившись с гуляющими и идущими по своим делам, обошел пару кварталов, после чего купил воды в литровой бутылке и повернул назад. Но дойти была не судьба.

Навстречу шли три симпатичных девушки примерно моего возраста. Сначала я подумал, что сейчас меня будут бить. Стиснутые зубы, прищуренные глаза и слегка приторможенная походка, как бы в готовности к броску, не на шутку встревожили. В мозгу экстренно запустился поиск по запросу «обычай и традиции женщин Красноярского края в постперестроечный период», но раз за разом выскакивала ошибка и надпись «файл не найден». Все мои программы подвисли и требовали перезагрузки.

Я, естественно, знал, что в спецназе есть женщины, и более того, впоследствии мне довелось их видеть, но сейчас я был не готов. Женская жестокость при захвате противника стала притчей во языцех. Лучше трижды вступить в схватку с обколотым наркотой басмачом, чем один раз угодить под

задержание дружным женским коллективом... Я воззвал ко всем богам с укором за то, что так нелепо и жестоко обрывают мою карьеру в разведке – и боги ответили... Громким боевым кличем одной из трех особей.

– Витька, мля, я тебя сейчас порву, тварь! Машка твоя на сносях, а ты по бабам все шастаешь, гад!

Ночь, улица, фонарь, аптека...

Сначала я вспомнил, что у меня нет никакой Машки. Тем более, на сносях. Я всегда был аккуратен в этом вопросе. И не только с Машками.

Потом я понял, что я не Витя. Совершенно точно. Даже представляясь иногда разными именами (конечно, в целях конспирации, и только женскому полу), Витей я не назывался. Это имя мне не шло, я с ним себя не ассоциировал. Бывает так. Примеряешь – не твое. Не только с обувью, с именами тоже. Я был Сережей, Игорем, Митей, Кириллом, Владимиром, Антоном... Нет, Витей не был.

Сразу как-то полегчало. Но разъяснить трем валькириям их ошибку я не успел. Разговор пришлось отложить, чтобы отмахнуться от кожаной сумки, летящей мне в голову.

Я сделал это блестяще, от неожиданности встав в стойку «кокуцу-дачи». Окажись тут мой тренер, он бы точно не жалел, что дал мне красный пояс. А его тренер, легендарный Тадеуш Касьянов, был бы горд, что воспитал такого тренера, который воспитал меня. Ну и я был бы горд за все вот это. Но... Вокруг был Красноярск, а не татами московского

спорткомплекса для нелегальных занятий по предмету, что тогда безуспешно пытался зваться рукопашным боем.

Троица замерла, замер и я. Замерло все вокруг. Тишину нарушал лишь стрекот каких-то насекомых и шум редких машин. Немая сцена, полная драматизма. Прервала ее одна из валькирий, и самым прозаическим образом.

– Да не Витька это, тот никогда так не раскорячится!

После чего все трое молча проследовали мимо, словно не-Витька перешел на другой уровень пространства-времени, и здесь отсутствует. А я сменил боевую стойку на походку запоздалого алкоголика и поспешно ретировался с этого опасного участка дороги.

Больше я там никогда не ходил. Более того, завидя одновременно троих особей женского пола, старался заблаговременно смыться на другую сторону улицы или, по крайней мере, поглубже уйти в тень. Мысль о бейджике с именем, социальным положением и группой крови также посещала меня, но была отложена до лучших времен.

До общаги я добрался уже без приключений.

Перед входом я дождался когда в дверь зайдут человек пять дальнобоев, которые поставили свои машины рядом на стоянке. Шумные и рослые, они закрыли меня от администраторши, благодаря чему я, имея несданный ключ, прошел в номер незаметно.

Уйти с ключом было в советское время хоть и небольшим, но вполне себе проступком. Да и мало кто таскал с собой

эту увесистую деревянную грушу с выжженным на основании номером комнаты.

За примерно полтора часа моего отсутствия в номер никто не входил. Это означало, что меня «не признали» и не стали проверять. Выглядел я несколько старше своих лет, был худым, даже слегка изможденным, а потому под описание «молодой и спортивный» мог просто не подойти. Тем более, что и паспорт я себе выправил на личность постарше. Это тоже сыграло в плюс.

На данный момент меня не «спалили» и меня не побили. Уже недурно для первого дня.

Итак, в двадцать два года сбылась моя детская мечта стать разведчиком. Правда, не таким, как Штирлиц. Штирлиц – нелегал высочайшего уровня, полностью адаптированный в среду. Мы же были нелегалы-диверсанты. Или, как определил Юрий Иванович Дроздов при создании «Вымпела» – «разведчики специального назначения». То есть, могли совмещать функции разведчика, действующего в мирное время под дипломатическим или иным гражданским прикрытием, и диверсанта, работающего в боевых условиях. Здесь, в Сибири, задание было именно для нас – разведчиков специального назначения. И все мои чувства, описанные сейчас так подробно (возможно, они даже кажутся вам лишними и неуместными), на самом деле не выходили на первый план, оставаясь лишь фоном задачи, которая для меня на тот момент была задачей всей жизни. Голод, холод, промокшая

одежда, хронический недосып, усталость, какие-то личные переживания, не отвлекали от движения к цели, а наоборот, только подстегивали и помогали собраться.

Моя первая ночь в номере была удивительной. Во-первых, здесь я лег непривычно рано. Во-вторых, в моем желудке была пища. В-третьих, после множества тренировочных и не очень ночевок в лесу, улечься спать без обуви уже было определенной степенью шика. В-четвертых, адреналин от осознания того, что я все-таки могу быть «на крючке» и за мной придут в любой момент, не особо способствовал сну. В-пятых, после пятого или шестого таракана, упавшего мне на голову с потолка, я встал и включил свет...

Ну, собственно говоря, что я ожидал увидеть, то и увидел. По комнатенке разгуливало около полусотни тараканов разного размера, бодро обследуя все предметы обстановки, включая кровать. Опыт общения с ними у меня кое-какой был, поэтому я спрятал оставшийся недоеденным бублик в полиэтиленовый пакет, пакет в сумку, а несколько крошек накидал под дверь и немного за нее. После чего выключил свет и лег, укрывшись с головой простыней.

Кстати, если лежать тихо, можно услышать, как тараканы топают. Честное слово. А если прислушаться, то можно понять и сосчитать, кто из них шагает не в ногу с остальными. Посчитав таким образом минуты полторы, я уснул.

Глава седьмая: День второй

Встал я по заветам Штирлица, без звонка и будильника. С рассветом. Часы у меня были, но я их таскал в кармане. Не любил надевать что-либо на запястья. И мода того времени – на первые электронные, противоударные и водостойкие Casio прошла мимо меня. Достав свои «командирские», которые еще дед носил, посмотрел на циферблат. Было семь утра. На два часа позже того времени, что я обычно видел, вставая на службу. С одной стороны, это было приятно, а с другой – здорово встряхнуло: опоздал с выходом. Я подорвался с кровати, вызвав недоумение у пригревшихся тараканов, раскидал тех, что не успели сбежать с простыней, вытащил сумку, достал из нее сумку – еще одну, которая была поменьше и содержала все необходимое на первое время, – и, быстро оглядевшись, выскочил в коридор.

Сумка в сумке не хохма, а основа укладки вещей, которую я соблюдаю и сейчас, на гражданке. В поездке все самое важное – документы, деньги и типа того, – должно лежать отдельно и быть готово к автономной переноске: схватил и убежал.

Коридор был пуст и тих. Ночью я, как ни странно, со своим чутким слухом, не засек никаких посторонних звуков. Значит, ни пьяных, ни гуляющих здесь нет, отложилось в памяти.

На ресепшене, где вчера бдила администраторша Елена, я тоже не нашел признаков жизни. В мои планы, родившиеся этой ночью, вовсе не входило обратиться отсюда незамеченным. Напротив, предполагая, что все-таки попал на крючок, я должен был начать свою игру с «той стороной». Поэтому, облокотившись о стойку, я стал ждать.

Надо прояснить, что я думал тогда. Хотя бы примерно, чтобы читателю (или мне самому, забывшему это) стало все понятно. Комплекс текущих проблем я себе представлял как сеть из ниточек с узелками. Сами попробуйте: удобно, наглядно и помогает отслеживать взаимосвязи. Вот ниточка, которая ведет к моей цели, а на ней узелок: это факт, что я попал в поле зрения противника. От этого узелка тянется ниточка к другим ниточкам, на которых свои узелки. Они разные: большие, маленькие, слабые, тугие... Каждый из них – тоже факт, прогнозируемый с той или иной степенью достоверности. Например, тот факт, что Елена передала куратору данные обо мне. Это узелок прочный, но его тянут в разные стороны другие узелки. Например, узелок, который говорит, что нас проморгали в аэропорту. Там же рядом привязаны известные мне факты о «внутренней кухне» работы контрразведки: час утренних совещаний, время подведения итогов, объем информации, оценка вероятности того, что звонок из гостиницы сочтут важным... Временные интервалы, по которым идет доклад от куратора руководству, принятие решения руководством, наличие других сигналов, уме-

ние того или иного куратора подать информацию о сигналах своих подопечных в нужном ракурсе и придать ей больше значимости... Масса оценочных узелков. Каждый влияет на степень натяжения главной ниточки, ведущей к цели, и предполагает то или иное ответное действие, чтобы ослабить это натяжение, либо компенсировать его. Сейчас я хотел компенсировать давление в свою пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.